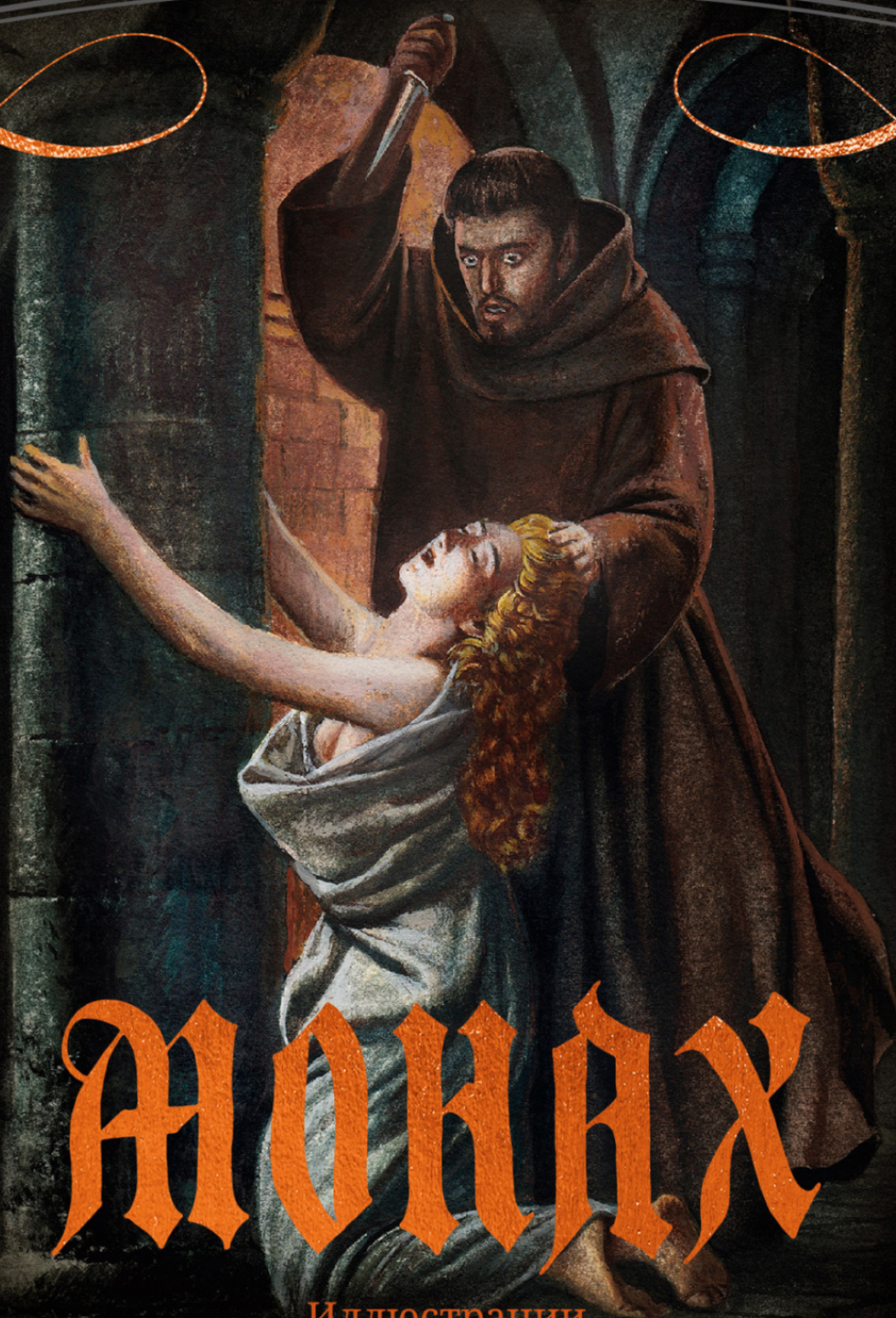

Величайший готический роман
в современной адаптации

Мэтью Грегори Льюис

Анна

Иллюстрации
Александра
Дудина

НЕОготика

Мэтью Грегори Льюис

Монах

«Феникс»

1796

УДК 821.111-31
ББК 84(4Вел)1-44

Льюис М.

Монах / М. Льюис — «Феникс», 1796 — (НЕОготика)

ISBN 978-5-222-42061-4

Признанный шедевр готической литературы и первый подлинный роман ужасов, способный напугать, увлечь и впечатлить своего читателя даже по прошествии двух веков. Насыщенный эротикой, черной магией, насилием и потусторонней жутью, «Монах» стал настоящей сенсацией своего времени, откровенным антиклерикализмом вызвал гнев церкви и навлек на своего создателя обвинения в аморальности и святотатстве. Трагическая история искушения, утраты веры и падения, в которой есть все: интриги и заговоры, любовные страсти, пороки испанского духовенства, кровная месть, погони и сражения на шпагах, заклинатели духов, неуспокоившиеся мертвецы и сам Князь Тьмы. Для этого издания известный переводчик и писатель Алина Немирова сделала не просто новый, первый за 30 лет, перевод, но и существенно адаптировала язык и стиль романа, приблизив его к стандартам современной литературы ужасов. Теперь «Монах» стал еще более эротичным, атмосферным и пугающим. Книга украшена завораживающими иллюстрациями заслуженного художника РФ, профессора ВГИКа Александра Дудина, с первого взгляда погружающими читателя в историю о несчастном, что продал душу дьяволу.

УДК 821.111-31
ББК 84(4Вел)1-44

ISBN 978-5-222-42061-4

© Льюис М., 1796

© Феникс, 1796

Содержание

Предисловие переводчика	7
Том I	10
Глава I	11
Конец ознакомительного фрагмента.	19

Мэтью Грегори Льюис

Монах

*Магии ужасы, сны, чудеса и преданья,
Мощная сила заклятий, виденья полночного часа...*
Гораций

Перевод и литературная обработка – Алина Владимировна Немирова
Иллюстрации – Александр Леонидович Дудин

© Перевод и литературная обработка: Немирова А. В., 2023

© Иллюстрации: Дудин А. Л., 1993, 2023

© В оформлении книги использованы иллюстрации по лицензии Shutterstock.com

Предисловие переводчика

Есть литераторы, которые пишут много, но остаются в памяти потомков как авторы одной книги. Таков Мэтью Грегори Льюис – романист, драматург, переводчик, поэт, проживший короткую, но насыщенную событиями, яркую жизнь.

Он родился в 1775 г. в Лондоне, в семье чиновника военного ведомства и с детства проявлял склонность к литературе, но его родители расстались, воспитанием сына занялся отец, и он настоял на том, чтобы Мэтью избрал дипломатическую карьеру. Отучившись в престижном оксфордском колледже Крайст-Черч, где изучил несколько языков, он отправился, по обычаю своего времени, мир посмотреть и себя показать, побывал в Париже, поездил по Германии, после чего в 1794 г. получил должность атташе при британском посольстве в Голландии.

Еще во время странствий Льюис начал сочинять песни и пьесы, не имея другой возможности материально поддержать бедствующую мать. Позднее Льюис писал, что служба в Гааге ему быстро наскучила и он взялся писать роман. Ему было девятнадцать лет, и он справился со своей задачей всего за десять недель; это и был «Монах». Льюис писал матери, которая действовала как его литературный агент: «Я так доволен им, что, если книгопродавцы его не возьмут, издам его своими силами». По возвращении писателя в Англию в конце того же 1794 г., отец снова попытался пристроить Мэтью на чиновничью должность, но не преуспел в этом; а тот продолжал писать. В 1796 г. «Монах» был напечатан, в первом издании – анонимно, на последующих имя автора появилось, и эта ужасающая история о падшем монахе принесла Льюису богатство, славу и прозвище Льюис-Монах. Правда, многие критики осудили Льюиса за аморальность, богохульство и... плагиат. (Об этом мы упомянем ниже.) Делались даже попытки запретить публикацию, но это лишь подогрело читательский интерес.

Критика не помешала Льюису плодотворно работать. Он создавал одну за другой пьесы, которые укрепляли его репутацию «писателя ужасов». Многие годы эти готические пьесы с успехом ставились на сценах Друри-Лейн и Ковент-Гарден, лучших столичных театров. Льюис также упражнялся в поэзии, образцы которой он так удачно вставил в текст «Монаха». В 1801 г. он издал составленную им большую антологию произведений о сверхъестественных явлениях английских (в том числе Вальтера Скотта и Роберта Бернса) и иностранных авторов – «Рассказы о чудесах».

В 1800-е гг. Льюис перенес тяжелые потери: смерть брата, разрыв с отцом, – но продолжал писать и прозу, и стихи, и драмы. Но в 1812 г. настал перелом: вышел в свет сборник стихотворений Льюиса, написанных в сентиментальном духе, и он решил больше прозу не писать. В том же году смерть отца резко перевернула жизненные обстоятельства Льюиса. Помимо прочего, он, будучи противником рабства, унаследовал богатые плантации сахарного тростника и четыре сотни рабов на Ямайке. Правительство Британии в то время, боясь «заражения» английского общества идеями французской революции, отвергло все попытки уничтожения рабства, но Льюис не хотел с этим примириться. Мысли о тяжелом положении невольников заставили Льюиса совершить в 1815 г. нелегкое двухмесячное путешествие до этого далекого острова. В пути он начал вести дневник, в котором дал живое и точное описание жизни на плантациях. Спустя год Льюис вернулся в Европу, но вскоре, уже в 1817 г., продумав систему реформ, вновь отправился на Ямайку. Он продолжал вести дневник, рассчитывая опубликовать его по возвращении на родину.

Этим планам не суждено было сбыться. Уже на борту корабля, держащего курс на Англию, у Льюиса обнаружили симптомы желтой лихорадки, бича тропических стран; болезнь перешла в тяжелую фазу, и 14-го мая 1818 г., в возрасте всего сорока трех лет писатель скончался и был похоронен в море. В последнем письме к матери он упоминает, что сделал все возможное «для защиты этих бедных созданий [рабов] от злоупотреблений». Он распорядился

улучшить условия их жизни и указал в своем завещании, что его наследник должен будет раз в три года проводить не менее трех месяцев на Ямайке, чтобы проследить за исполнением этих распоряжений.

Дневник Льюиса («Заметки вест-индского плантатора») был издан лишь через пятнадцать лет и вызвал горячий отклик у читателей.

Роман «Монах» и эти «Заметки» – произведения в совершенно разных стилях, но оба они внесли весомый вклад в развитие литературы, и не только английской. В отличие от множества прославленных в прошлом сочинений, которые ныне интересуют только историков литературы, «Монах» до сих пор вызывает у читателей живой интерес.

* * *

Нам остается только сказать несколько слов о самом романе. Прежде всего, разберемся с вопросом о плагиате, то есть об умышленном использовании сочинений других писателей. Сам Льюис в предисловии к своей книге пишет так: «Предание о кровавой монахине и сейчас живо во многих областях Германии; мне рассказывали, будто призрак обитает в развалинах замка Лауэнштейн в Тюрингии, и люди его там видели. Баллада о водяном короле – это фрагмент подлинной датской баллады, а история Белермы и Дурандарте взята из сборника старинной испанской поэзии, где можно найти также песню, которая упоминается в романе “Дон Кихот”. Каких-либо других заимствований я не припоминаю; однако не сомневаюсь, что найдется еще много таких, которых я не осознал».

Это признание и честное, и точное. Было бы невероятно, если бы начинающий, хорошо начитанный автор в первом произведении обошелся совсем без влияний и заимствований. Прямая подсказка о них содержится в эпиграфах, с которых начинается каждая глава: в первую очередь это пьеса Уильяма Шекспира «Мера за меру», откуда взят целый сюжетный узел истории Амброзио; мотив «благородных разбойников» – из пьесы «Два веронца»; мотив мнимой смерти героини – из «Ромео и Джульетты». Остальные эпиграфы просто указывают, по обычаю того времени, на обширную литературную эрудицию автора.

В школьные годы Льюис проводил каникулы в родовом поместье своей матери. Это был один из тех старинных домов, где окна и двери раскрываются сами собой и ветер завывает и стонет в печных трубах, где нетрудно поверить в привидения. Как знать, может, именно там Мэтью приобрел склонность к подобным историям?

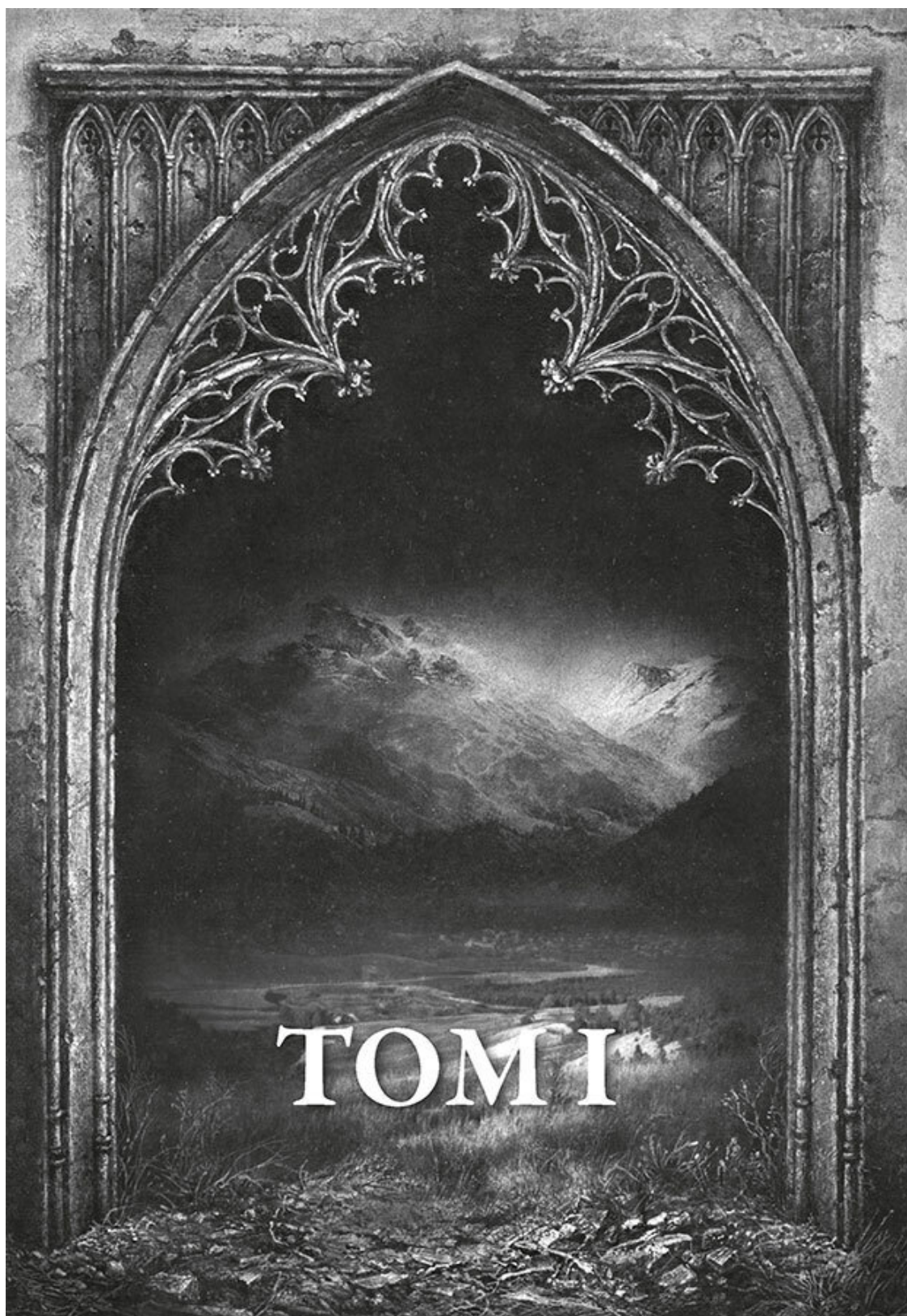
Конечно же, на Льюиса заметно повлияла традиция готического романа, сложившаяся еще до его рождения. Но это – не плагиат, к тому же «Монах» превосходит более ранние образцы и по сюжетному мастерству, и по оригинальности характеров. Друг Льюиса, великий поэт Байрон так описывал его: «упрямый, умный, чудаковатый, резкий и словоохотливый». (Что касается словоохотливости самого автора, отметим, что нам пришлось убрать многие фразы, многократно повторяющиеся и загромаждающие текст.) Все эти качества в разных сочетаниях присутствуют у персонажей книги. И они получились живыми, психологически достоверными, несмотря на вычурную «готичность» их приключений.

А вот общий фон романа достаточно фантастичен. Льюис написал его вскоре после французской революции, потрясшей всю Европу. Окончательное подавление роялистской контрреволюции произошло в те месяцы, когда роман появился на свет. Начиналось восхождение к власти молодого генерала Бонапарта. Отголоском этих отгремевших трагических событий можно считать только жуткую сцену расправы озлобленных горожан с жестокой аббатисой. А весь испанский антураж, основанный не на личных впечатлениях, а на сведениях из книг, весьма условен, включая и имена ряда персонажей: Лоренцо – по-испански должно быть Лауренсио, Раймонд – Рамон, Агнес – Инес, Матильда и Родольфа – вообще не испанские, Гастон – имя сугубо французское. Фамилия и титул герцога Медина-Сели существуют, но созданный

Льюисом образ не имеет ничего общего с реальным носителем того времени. В оправдание автора скажем, что реалистическое изображение действительности не входило в его творческие намерения.

Эта история, страстная и страшная, фривольная и трогательная, напряженная, но порой смешная, не нуждается в длинных толкованиях. Необходимые фактические примечания вы найдете в конце книги.

Том I

Глава I

*Наш Анджело и строг, и безупречен,
Почти не признается он, что в жилах
Кровь у него течет и что ему
От голода приятней все же хлеб,
Чем камень.*

Уильям Шекспир (1564–1616), «Мера за меру», перевод Щепкиной-Куперник

И пяти минут еще не прошло, как зазвонил колокол аббатства, а церковь капуцинов¹ уже была набита битком. Не стоит думать, что всю эту толпу привели сюда благочестие или жажда знаний. Таких были единицы; в таком городе, как Мадрид², где деспотически властвуют суеверия, бесполезно искать искреннюю веру. Люди сошлись в церковь по разным причинам, но ни одна не имела отношения к этому почтенному мотиву. Женщины явились показать себя, мужчины – поглядеть на женщин: кому-то было любопытно послушать знаменитого проповедника; у кого-то не нашлось лучшего способа убить время до начала представления в театре; кто-то хотел зайти приличия ради, рассчитывая, что свободных мест в церкви все равно не будет; в общем, одна половина Мадрида явилась, чтобы встретиться с другой половиной. Искренне желала послушать проповедь только кучка престарелых ханжей да полдюжины соперников-ораторов, намеренных придирааться к каждому слову проповеди и высмеивать ее. Остальную часть публики отмена проповеди не расстроила бы, да и вполне вероятно, что отмены бы и не заметили.

Так или иначе, в церкви капуцинов никогда еще не бывало такого скопления народа. Каждый угол был заполнен, каждое место занято. Даже статуям, украшавшим боковые приделы, пришлось потрудиться. На крыльях херувимов стайками расселись мальчишки; святые Франциск и Марк несли на плечах по зрителю, а святая Агата терпела тяжесть двоих зевак.

В такой обстановке две вновь вошедшие в церковь женщины, как ни спешили, как ни старались, места себе не нашли.

Правда, старуха продолжала продвигаться вперед. Напрасно сыпались на нее со всех сторон возмущенные возгласы:

- Послушайте, сеньора, здесь мест нет!
- Пожалуйста, сеньора, не толкайтесь так сильно!
- Сеньора, вы здесь не пройдете. Боже, что за беспокойная особа!

¹ Книге, которую вы прочли (или еще читаете), двести двадцать семь лет; настроения, проблемы, идеи людей того времени в ней отражены полно и отчетливо. А вот бытовых подробностей – таких, которые нельзя было бы понять из контекста, – здесь немного. Это было время, когда только очень богатые люди могли себе позволить по вечерам жечь свечи сразу в нескольких комнатах, а остальные ходили по дому с подсвечником, едва разгоняя темноту; когда единственным способом быстро доехать куда-либо была лошадь со скоростью десять километров в час... И все-таки для лучшего понимания событий кое-что нужно разъяснить. Мы даем примечания к реалиям по месту их первого появления в тексте. (Если есть желание узнать больше – в Интернете все есть!) Капуцины – монашеский орден, основан в 1525 году как ветвь более древнего францисканского ордена; первоначально насмешливое прозвище, относившееся к остроконечному капюшону, которым отличалось их одеяние. В наше время орден насчитывает более десяти тысяч членов по всему миру. Однако о наличии монастыря капуцинов в Мадриде информации нет. Ряд деталей описания – фонтан, склеп с каменным сводом, грот, ниши – напоминает ныне заброшенный монастырь Синтра в Португалии, но нам неизвестно, бывал ли там автор. Впрочем, подобные детали можно и поныне видеть в очень многих католических монастырях Европы.

² Мадрид – столица Испании с 1561 года, когда король Филипп II сделал его центром королевства. К концу XVIII века в Мадриде уже жило более ста тысяч человек, город был благоустроен и считался одной из лучших европейских столиц. Внешний вид, поведение и занятия горожан тех лет запечатлел в своих картинах и рисунках знаменитый художник Франсиско Гойя.

Но особа была упряма и не останавливалась. Напористость и крепкие смуглые руки помогли ей пробиться сквозь толпу до самой середины церкви, где она и остановилась, неподалеку от кафедры проповедника. Ее спутница робко, молча пробиралась следом за ней.

– Святая дева! – разочарованно воскликнула старуха, осмотревшись. – Что за жара! Что за давка! Интересно, что все это значит. Думаю, нам придется воротиться: сесть негде, и ни одна добрая душа не спешит уступить нам свое место.

Этот прозрачный намек достиг слуха двух кавалеров, которые сидели на табуретках справа от нее, прислонившись к колонне. Оба были молоды и богато одеты. Призыв к учтивости, произнесенный женским голосом, заставил их прервать разговор и мельком взглянуть в сторону звука. Дама откинула вуаль, чтобы лучше рассмотреть окружающих. Волосы у нее оказались рыжие, а глаза косили. Кавалеры отвернулись и продолжили беседу.

– Непременно, – отозвалась спутница старухи, – мы непременно должны уйти, Леонелла, пойдем немедленно домой; здесь нечем дышать, и меня пугает толпа.

Слова эти прозвучали удивительно напевно. Кавалеры снова прервали разговор, но на этот раз не только взглянули, но и повернулись к их источнику и невольно вскочили.

Соразмерность и изящество фигуры этой женщины пробудили живейшее любопытство юношей; теперь им захотелось увидеть лицо незнакомки, но их постигла неудача: черты ее скрывала густая кисейная вуаль. Правда, пока дама протискивалась сквозь толпу, складки ткани сдвинулись и открыли шею, гладкую и стройную, как у греческой богини. Ее белизну оттеняли завитки длинных светлых волос, ниспадающих на плечи. Грудь была плотно окутана вуалью. Легкую, воздушную фигурку чуть ниже среднего роста скрывало белое платье, подпоясанное голубым шарфом; из-под подола едва виднелась ножка самых деликатных пропорций. С запястья незнакомки свисали четки с крупными бусинами. Все прочее пряталось под черной вуалью. Младший из кавалеров поспешил уступить свое место чудесному созданию, а его друг счел необходимым оказать ту же услугу ее спутнице.

Старуха рассыпалась в благодарностях, но приняла их жертву без всякого стеснения и сразу уселась. Молодая дама последовала ее примеру, однако ограничилась простым и грациозным реверансом. Дон Лоренцо (так звали кавалера, чье место она заняла) пристроился рядом; но прежде он шепнул пару слов на ухо другу, и тот, уловив намек, принялся отвлекать старуху от ее хорошенькой подопечной.

– Вы, по-видимому, недавно прибыли в Мадрид, – сказал Лоренцо своей милой соседке, – ведь такие прелести не могли бы долго оставаться незамеченными; и если бы сегодняшнее ваше появление в обществе не было первым, зависть женщин и поклонение мужчин давно сделали бы вас знаменитой.

Он умолк в ожидании ответа. Но этот замысловатый комплимент не требовал обязательного отклика, и дама не обронила ни словечка. Кавалеру пришлось начать заново:

– Но я не ошибся, предположив, что вы не уроженка Мадрида?

Дама заколебалась; наконец тихо, еле слышно, она рискнула ответить:

– Нет, сеньор.

– Долго ли вы намерены пробыть здесь?

– Да, сеньор.

– Я почел бы себя счастливым, если бы смог сделать ваше пребывание приятным. Меня хорошо знают в Мадриде, у моей семьи есть деловые связи при дворе. Если я чем-то могу быть вам полезен, оказать вам помощь будет для меня высшей почестью.

«Ну уж теперь, – добавил он мысленно, – она не сможет ответить односложно; она должна что-нибудь сказать мне!»

Лоренцо ошибся: дама ограничилась наклоном головы.

Он уже понял, что его соседка неразговорчива; но чем объяснялось ее молчание – гордостью, скромностью, робостью или глупостью, – он пока решить не мог. Выждав несколько минут, кавалер применил другой прием.

– То, что вы приезжая и незнакома с местными обычаями, сразу видно, – сказал он, – потому что вы не снимаете вуаль. Позвольте мне снять ее!

С этими словами он протянул руку к кисейной завесе, но дама жестом остановила его.

– Я никогда не снимаю вуаль прилюдно, сеньор.

– И что тут плохого, позволь узнать? – прервала ее старуха резким тоном. – Ты разве не видишь, что все дамы сняли свои вуали ради уважения к этому священному месту? Я тоже, заметь, выставила свое лицо на всеобщее обозрение, а тебе-то чего бояться! О Дева Мария! Сколько волнений и страданий из-за детской мордочки! Ну, давай же, дитя мое! Откройся! Ручаюсь, что люди от тебя не побегут...

– Дорогая тетушка, но в Мурсии не принято...

– Мурсия³, вот еще! О святая Барбара, что это за чушь? Вечно ты мне надоедаешь упоминаниями об этой деревенской глуши! Как принято в Мадриде, так и нужно себя вести; и посему я требую, чтобы ты сию минуту избавилась от вуали. Слушайся меня, Антония, ты ведь знаешь, что я не выношу, когда мне перечат!

Племянница промолчала, но больше не противилась дону Лоренцо, и тот, пользуясь позволением тетушки, быстро устранил кисейную преграду. Какая чудесная головка открылась его взору! Назвать ее идеально красивой, правда, нельзя было; впечатляла не правильность облика, а общее выражение нежности и чувствительности. Каждая черта ее лица была несовершенной, но их сочетание было обворожительно. На гладкой коже кое-где проступали веснушки; глаза девушки не были велики, и ресницы не слишком длинны. Однако следует упомянуть губы, подобные свежему лепестку розы; пышные волнистые локоны, повязанные простой лентой, которые спускались ниже пояса; руки прекрасной, скульптурной формы и добрые небесно-голубые глаза. Она была вряд ли старше пятнадцати лет, и лукавая улыбка, игравшая на ее губах, свидетельствовала о живости характера, на время подавленной избытком робости. Девушка застенчиво огляделась; как только ее взгляд упал на Лоренцо, она тотчас залилась румянцем, потупилась и стала перебирать четки, но, судя по движениям пальцев, она явно не осознавала, что делает.

Лоренцо смотрел на нее со смешанным чувством восторга и удивления; но тетка сочла необходимым извиниться за неразумную стыдливость Антонии.

– Она так молода, ничего еще не знает о жизни. Она выросла в старом замке близ Мурсии, и никого не было рядом с нею, кроме матери, а у той, бедняжки, помощи ей Господь, не больше ума, чем нужно, чтобы донести ложку с супом до рта. И все же она моя родная сестра!

– И притом так глупа? – сказал дон Кристоаль с притворным удивлением. – Просто невероятно!

– Воистину, сеньор. Ну не странно ли это? Однако так оно и есть; и подумайте, как иным людям судьба фартит! Молодой дворянин самого высокого ранга вбил себе в голову, будто Эльвира может претендовать на звание красавицы... Что касается претензий, этого у нее, по правде сказать, всегда хватало; но красота! Да если б я хоть вполовину так старалась заловить жениха, как она!.. Но не буду отвлекаться. Так вот, сеньор, молодой дворянин в нее влюбился и женился на ней без ведома своего отца. Их союз оставался тайной почти три года; но наконец об этом проведал старый маркиз, которому, как вы, конечно, догадываетесь, эта новость не

³ Мурсия – город на юго-востоке Испании, на расстоянии 404 км от Мадрида; по современным дорогам три-четыре часа езды, в XVIII веке – три-четыре дня. Однако считать Мурсию захолустьем и тогда было бы несправедливо: именно в те годы город быстро рос и богател благодаря развитию производства шелковых тканей. Просто тетушке Леонелле очень хотелось казаться настоящей столичной жительницей!

очень понравилась. И помчался он на рысях в Кордову⁴, полный решимости схватить Эльвиру и отправить куда-нибудь подальше, где бы она и сгинула без вести. О святой Павел! Как он разбушевался, когда обнаружил, что она от него ускользнула, встретилась с мужем, и они, взойдя на борт корабля, бежали в Вест-Индию⁵! Он проклинал всю нашу семью, словно одержимый злым духом. Он бросил в тюрьму моего отца, честнейшего из сапожников Кордовы; а когда этот жестокий человек отправился восвояси, он отнял у нас сестрино сына – ему и трех лет не исполнилось, а Эльвира так внезапно вынуждена была бежать, что ей пришлось оставить малыша. Думаю, с бедняжкой обходились очень дурно, потому что спустя всего несколько месяцев нам сообщили, что он умер...

– О, да этот старик был сущим негодяем, сеньора!

– Ох, ужасный человек, да к тому же начисто лишенный вкуса! Поверите ли, сеньор, когда я попыталась его образумить, он обозвал меня ведьмой и пожалел, что нельзя покарать графа, сделав мою сестрицу столь же уродливой, как я! Уродливой! Как вам это понравится?

– Это смешно! – вскричал дон Кристоаль. – Граф, несомненно, счел бы себя счастливым, если бы ему позволили поменять одну сестру на другую.

– О боже! Сеньор, вы слишком вежливы. Признаться, я сердечно рада, что наш граф сделал именно такой выбор. Здорово же Эльвира распорядилась выпавшим ей счастьем! Долгих тринадцать лет они жарились и парились за морем. Муженек ее помер, и она вернулась в Испанию, не имея ни крыши над головой, ни денег, чтобы приобрести жилье! Антония тогда была еще маленькой, других детей сестра не нажила. Она узнала, что ее свекор снова женился, графа так и не простил, а вторая жена родила ему сына; говорят, это прекрасный юноша. Старый маркиз не пожелал увидеться ни с сестрой, ни с девочкой; но он прислал письмо, в котором назначил ей небольшое пособие при условии, что никогда больше о ней не услышит, и предоставил в ее распоряжение принадлежащий ему старый замок близ Мурсии. Когда-то этот замок был любимой резиденцией его старшего сына; но после того, как тот бежал из Испании, маркиз возненавидел это поместье, и оно пришло в упадок. Сестра приняла предложение, переехала в Мурсию и оставалась там вплоть до прошлого месяца.

– И что же теперь привело ее в Мадрид? – спросил дон Лоренцо; восхищаясь юной Антонией, он испытывал живейший интерес к повествованию болтливой старухи.

– Увы, сеньор! Сестрин свекор недавно скончался, и управляющий его имениями в Мурсии отказался далее выплачивать ей пособие. Она приехала в Мадрид, надеясь умолить наследника-маркиза возобновить выплату, но я сомневаюсь, что из этой затеи что-то выйдет. Вы, молодые кавалеры, всегда найдете, куда девать денежки, но нечасто одаряете ими старых женщин. Я советовала сестре отправить с прошением Антонию; но она и слушать меня не захотела. Эльвира так упряма! Ну ладно! Она пожалеет еще, что моих советов не послушала: у девочки милое личико, и это могло бы послужить на пользу дела.

– Ах, сеньора! – перебил ее дон Кристоаль, изображая страстный порыв. – Если красота может так повлиять на дело, почему же ваша сестра не привлекла к нему вас?

– О Иисусе! Сударь, клянусь, ваша галантность покоряет меня! Но должна предупредить: я достаточно осознаю, какие опасности подстерегают женщин в подобных предприятиях,

⁴ Кордова (правильнее Кордоба) – прекрасный город в Андалусии со славной двухтысячелетней историей. Расположена на склоне отрога Сьерры-Морены (см. ниже), на расстоянии 396 км от столицы. По числу памятников Всемирного наследия Кордова превосходит все прочие города мира. Кордова издавна славилась искусной выделкой кож и высококачественными кожаными изделиями (перчатки, пояса, сумки, сапоги); так что сапожное ремесло было там в почете, и дочерям сапожника было чем гордиться.

⁵ Вест-Индия – историческое название островов Карибского моря, в том числе Карибских, Багамских и Антильских. Название региону («Западная Индия») дано первыми европейскими мореплавателями, ошибочно полагавшими, что они попали в Индию, двигаясь в западном направлении от Европы. Климат жаркий, но сырой, что способствует развитию так называемых желтых лихорадок и других болезней, свойственных тропическим странам. Сильные дожди, частые ураганы, производящие серьезные опустошения, делают жизнь здесь нелегкой и в наши дни.

чтобы не довериться молодому господину! Нет, нет! До сих пор мне удавалось сохранить незапятнанную, безупречную репутацию, и я давно знаю, как удерживать мужчин на расстоянии!

– В этом, сеньора, я ничуть не сомневаюсь. Но позвольте осведомиться, испытываете ли вы также отвращение и к браку?

– Это вопрос выбора хорошей партии. Не могу не признать: если бы нашелся любезный кавалер, который...

Здесь она хотела бросить нежный и многозначительный взгляд на дону Кристобалья; но по причине присущего ей, к несчастью, основательного косоглазия взгляд попал напрямиком в его товарища. Лоренцо принял комплимент на свой счет и ответил глубоким поклоном.

– Позвольте ли узнать имя наследника? – сказал он.

– Маркиз де лас Ситернас.

– Я с ним близко знаком. Сейчас его нет в Мадриде, но со дня на день он должен вернуться. Он прекрасный человек; и, если прелестная Антония позволит мне стать ее поверенным, я не сомневаюсь, что смогу дать вашему делу благоприятный ход.

Антония подняла голову и молча поблагодарила его улыбкой несказанной доброты. Удовлетворение Леонеллы выразилось гораздо громче и отчетливее. Вероятно, из-за того, что племянница бывала молчалива в ее присутствии, она полагала своим долгом говорить за двоих и справлялась с задачей без труда, ибо ее словесный запас редко исчерпывался.

– Ох, сеньор! – воскликнула она. – Мы все, вся наша семья, станем вашими должниками! Я принимаю ваше предложение с огромной благодарностью и восхищаюсь вашим великодушием. Антония, дитя мое, почему ты молчишь? Кавалер наговорил тебе множество учтивых слов, а ты сидишь как статуя, и хоть бы один слог вымолвила. Благодарить можно сердито, доброжелательно или равнодушно, но молчать?..

– Дорогая тетя, я чувствую, что...

– Фи, племянница! Сколько я тебе твердила, что нельзя перебивать говорящего! Ты хоть когда-нибудь замечала, чтобы я так делала? Это у вас в Мурсии такие манеры? Боже милостивый! Удастся ли мне вообще сделать из этой девочки воспитанную светскую барышню? Ну а теперь, сеньор, – добавила она, обратившись к дону Кристобалью, – не объясните ли вы мне, почему сегодня в храме собралась такая толпа?

– Неужели вы не знаете, что Амброзио, аббат капуцинов, каждый четверг произносит проповедь в этой церкви? По всему Мадриду звучат похвалы его красноречию. Он пока проповедовал лишь три раза, но все, кто его слышал, так впечатлены, что в церкви стало трудно найти место, как на премьерной новой комедии. Вы, конечно же, осведомлены о его славе?

– Увы! Сеньор, до вчерашнего дня мне еще не доводилось побывать в Мадриде, а до Кордовы так мало доходит известий из окружающего мира, что имени Амброзио в нашем городе и не слыхивали.

– Ну, в Мадриде оно у всех на устах. Похоже, он очаровал горожан, а я, еще ни разу не побывав на его проповедях, дивлюсь вызванному им восхищению. Поклонение, оказываемое ему старыми и молодыми, мужчинами и женщинами, беспримерно. Вельможи осыпают его подарками; их жены не хотят никаких исповедников, кроме него; в городе его называют святым человеком.

– Вероятно, сеньор, он благородного происхождения?

– Этого никто не знает. Ныне покойный приор капуцинов нашел его, совсем маленького, у дверей аббатства. Все попытки отыскать того, кто подбросил ребенка, остались напрасными, а сам он не умел еще говорить и родителей не помнил. Его вырастили и воспитали монахи. Амброзио рано выказал склонности к учению и затворничеству; достигнув совершеннолетия, он принес монашеские обеты. Никто так и не заявил о родстве с ним, никто не прояснил тайну его рождения; монахи же, видя, каким почетом стала пользоваться их обитель благодаря ему, не замедлили объявить, что его послала им в дар сама Дева Мария. По правде говоря, чрезвы-

чайная строгость его жизни отчасти оправдывает это заявление. Ему сейчас около тридцати лет, и все эти годы он провел над книгами, затворясь от мира и занимаясь умерщвлением плоти. До того, как Амброзио был избран настоятелем своего монастыря три недели назад, он никогда не покидал его стен. Даже теперь он выходит наружу лишь по четвергам, чтобы произнести проповедь в этом соборе, где весь Мадрид собирается, дабы послушать его. Говорят, что познания молодого аббата глубоки, красноречие его убедительно. За всю жизнь он ни единого раза не нарушил каких-либо правил своего ордена; ни единым пороком не запятнан его характер; он настолько строго блюдет целомудрие, что, по слухам, не знает, чем отличаются мужчины от женщин. Поэтому простолюдины почитают его как святого.

– Этим определяется святость? – спросила Антония. – Боже мой! Значит, я тоже святая.

– О блаженная Барбара! – воскликнула Леонелла. – Что за вопрос! Фи, дитя мое! Молодым женщинам не пристало касаться этого предмета. Тебе не следует показывать, что ты знаешь о существовании мужчин в этом мире, и вообще лучше считать, что все человеческие существа одного с тобой пола. Я хотела бы увидеть, как ты дашь людям понять, что, по-твоему, вся разница заключается в том, что у мужчин нет грудей, широких бедер и...

К счастью для Антонии, ее неведение не было разрушено лекцией тетушки, потому что по церкви пробежала волна шепота: проповедник прибыл. Донья Леонелла поднялась со своего места, чтобы лучше рассмотреть его, и Антония последовала ее примеру.

Это был человек с благородной осанкой и властным взглядом, высокого роста и необычайно красивый. Орлиный нос, большие глаза, черные и блестящие, темные брови сходились на переносице... Лицо, от природы смуглое, стало желтоватым – ученые труды и ночные бдения лишили его щеки румянца. Спокойствием веяло от его гладкого, без морщинок, лба; все черты выражали безмятежность, свойственную человеку, не ведающему ни забот, ни пороков. Он смиренно поклонился публике. Однако в его взгляде и поведении чувствовалась суровость, вызывавшая благоговейный страх, и немногие могли выдержать напор его глаз, ярких и пронзительных. Таков был Амброзио, аббат капуцинов, прозванный «святым человеком».

Антония, глядя на него с живым интересом, испытала удовольствие, прежде неизвестное, которое она безуспешно пыталась определить. Она с нетерпением ждала начала проповеди, и когда наконец монах заговорил, звук его голоса, казалось, проник прямо ей в душу. Хотя другие зрители не испытали столь бурных ощущений, как юная Антония, все слушали внимательно и взволнованно. Даже люди, равнодушные к религии, были очарованы ораторским искусством Амброзио. Всеобщее внимание было приковано к его речи, и полная тишина воцарилась в битком набитых приделах. И Лоренцо, позабыв, что рядом с ним сидит Антония, поддался чарам и сосредоточенно слушал проповедника.

Словами сильными, ясными и простыми толковал монах о красоте религии. Он разъяснял некоторые темные места Священного Писания так, что они становились всем понятны. Голос его, глубокий и звучный, обретал силу бури, когда он обрушивался на грехи человечества и описывал наказания, ожидающие грешников за гробом. Каждый слушатель припоминал собственные проступки и трепетал: казалось, будто гром грянул над его головой и молния вот-вот поразит его, а под ногами разверзнется пропасть вечной гибели! Но когда Амброзио, сменив тему, заговорил о превосходстве незапятнанной совести, сияющей вечности, принимающей безупречно чистые души, и о вознаграждении, ожидающем их в сферах небесного блаженства, слушатели приходили в себя. Они доверчиво отдавались на милость своего судии; они с радостью цеплялись за утешительные слова проповедника; голос его обретал напевность, и они уносились в те счастливые края, которые он рисовал в их воображении столь яркими, блестящими красками.

Речь его длилась долго, и все же, когда она завершилась, публика сожалела об этом. Монах умолк, но восторженная тишина сохранялась в церкви, пока чары не начали постепенно рассеиваться, и тогда люди дали волю своим чувствам. Слушатели столпились вокруг

Амброзио, сошедшего с кафедры, осыпали его благословениями, падали к ногам и целовали подол его рясы. Набожно скрестив руки на груди, он медленно направился к двери часовни, где его поджидали сопровождающие монахи. Поднявшись по ступеням, он обернулся и сказал своим почитателям несколько слов благодарности и поучения. В этот момент четки из крупных янтарных бусин выпали из его руки и затерялись среди толпы. Зрители тотчас подхватили их и разделили между собой по одной бусине. Те, кому они достались, хранили их потом как священную реликвию; будь это даже четки самого трижды благословенного святого Франциска, они не вызвали бы такого ажиотажа. Аббат, улыбнувшись их рвению, благословил присутствующих и покинул церковь, всем видом своим выражая смирение. Но было ли смирение и в душе его?

Антония проводила аббата тревожным взглядом. Когда дверь за ним закрылась, ей показалось, что она утратила нечто необходимое для счастья. По ее щечке тихо скатилась слеза.

«Он не бывает в миру! – сказала она про себя. – Наверно, я больше никогда его не увижу!»

Лоренцо заметил, как она отерла слезу.

– Понравился ли вам наш оратор? – спросил он. – Или вы думаете, что Мадрид переоценил его талант?

Сердце Антонии было так переполнено восхищением, что она охотно воспользовалась поводом поговорить о монахе, тем более что Лоренцо уже не казался ей чужим человеком и стеснительность ее поубавилась.

– О! Он намного превзошел все мои ожидания, – ответила она, – до сих пор я не представляла себе, какова сила красноречия. Но когда он заговорил, его голос внушил мне такой интерес, такое почтение, я даже могла бы сказать – такую привязанность к нему, что я сама дивлюсь остроте своих чувств.

Лоренцо улыбнулся, оценив смелость ее выражений.

– Вы молоды и еще только вступаете в жизнь, – сказал он. – Вашему сердцу все ново в мире, оно полно теплоты и чувствительности, и всякое впечатление воспринимается остро. Вы безыскусны и потому не ждете обмана от других; глядя на мир сквозь призму своей искренности и невинности, вы полагаете, что все люди, окружающие вас, заслуживают доверия и уважения. Как жаль, что этим светлым видениям суждено скоро развеяться! Как жаль, что вам предстоит узнать низость рода людского и защищаться от ближних своих, словно от врагов!

– Увы! – вздохнула Антония. – Злоключения моих родителей достаточно дали мне примеров ненадежности мира, сеньор! И все же испытанная мною теплая симпатия не может быть обманом.

– В данном случае я допускаю такую возможность. Поведение Амброзио безупречно; у человека, который провел всю жизнь в стенах монастыря, не было повода оступиться, даже если бы в его характере имелась такая склонность. Но теперь, когда по долгу своего служения он обязан хотя бы изредка общаться с миром, а значит, подвергаться соблазнам, общество уже вынуждает его выставлять напоказ весь блеск своей добродетели. Это опасное испытание; он сейчас в том возрасте, когда страсти особо сильны, необузданны и властны; безупречная репутация делает Амброзио легкой добычей для обольщений света. Такой выдающийся человек, увлеченный новизной впечатлений, может стать жертвой тяги к удовольствиям; и даже природные таланты могут поспособствовать его падению, облегчив ему путь к достижению цели. Немногие способны выйти победителями из столь трудного состязания.

– Ах! Я уверена: Амброзио будет одним из этих немногих.

– В этом я не сомневаюсь: он во всех отношениях является исключением в роду человеческом, и завистники напрасно будут выискивать пятна порока в его душе.

– Мне приятно это слышать, сеньор! Теперь я могу не бороться со своей склонностью его хвалить; вы даже не представляете, как трудно мне было бы подавить это чувство! Ах! Милая тетушка, уговорите маменьку избрать его нашим исповедником!

– Мне ее уговаривать? – возмутилась Леонелла. – Ни за что! Мне этот Амброзио не понравился совершенно; он такой суровый, что у меня все поджилки затряслись. Будь он моим исповедником, я бы никогда не отважилась открыть ему даже половину своих грешков, и то пришлось бы проявить редкостную храбрость! Не приходилось мне встречать такого насупленного смертного, и надеюсь, что другого не встречу. Как он о дьяволе-то разглагольствует, господи! Я чуть не спятила со страху, а когда он заговорил о грешниках, казалось, будто он их съесть готов.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.